

Приключение Артёма в лагере "Горизонт"

Артём Никифоров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Никифоров

Приключение Артёма в лагере «Горизонт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73000442

SelfPub; 2026

Аннотация

У Артёма была обычная жизнь: школа, друзья, предвкушение каникул. Всё изменилось одним ударом в тёмном переулке, когда незнакомец вонзил в него странный кинжал. С этого момента привычный мир пошёл трещинами. Теперь его преследует чувство, что он чего-то не помнит, а в его комнате появляется безмолвный металлический гигант – стенд Kaboom Symphony.

Поездка в летний лагерь «Горизонт» должна была стать отдыхом, но обернулась началом кошмара. Судьба сводит в одном месте старых друзей, случайных знакомых и тех, кого, казалось бы, не должно там быть. Вскоре выясняется, что это не случайность. Кто-то собрал их здесь специально.

Когда в лесу появляется террорист с пылающими красными глазами, а загадочный кинжал начинает сам выбирать своих носителей, пробуждая в них невероятные силы, Артёму и его друзьям предстоит понять: они – не просто подростки. Они – ключ. Ключ к битве за правду, которую у них отняли, и за память, которую им только предстоит обрести.

Содержание

Предисловие от автора	4
Предисловие	6
Глава 1. Лагерь	8
Глава 2. Террорист	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Артём Никифоров

Приключение Артёма в лагере "Горизонт"

Предисловие от автора

Привет. Решил перед началом пару слов сказать.

Вообще, я давно хотел написать историю про самое обычное лето. Ты знаешь, это ощущение: последний звонок отзвенел, впереди три месяца абсолютной свободы, и кажется, что всё возможно. Запах нагретого асфальта, пыльные дороги к речке, ночные разговоры у костра. Та самая пора, когда время течёт по-другому – медленно и густо, как мёд.

Но знаешь, что самое интересное? Именно в такие, казалось бы, идеальные моменты и случается что-то... необъяснимое. Не глобальное, нет. А какое-то маленькое, почти незаметное смещение. Как трещинка на стекле. Сначала её и не разглядишь, но если приглядеться – она меняет всё.

Мне всегда было интересно, что прячется за этой трещинкой. Что происходит, когда привычный мир вдруг делает лёгкий вздох и показывает тебе свой изнанку. Не страшную, нет. Просто другую. Таковую, о которой ты не подозревал, стоя на утренней линейке или засыпая под стрекот цикад в летнем

лагере.

Вот об этом – о том, что бывает, если заглянуть за край обыденности – я и решил написать. Без спойлеров, без подсказок. Просто история. Лето, лагерь, друзья... и ещё кое-что.

Устраивайся поудобнее. Начинается оно, это лето. Самое странное и самое важное в их жизни.

И, возможно, в твоей тоже.

Предисловие

Представьте себе идеальную тишину. Не ту, что наступает, когда затихают звуки, а ту, что была всегда. Тишину, в которой никогда не звучал знакомый смех, не раздавался звонок от самого дорогого человека, не произносилось чьё-то имя, от которого сжималось сердце. Это не покой. Это – изначальная, нерушимая пустота.

Именно в такой тишине теперь живёт Артём.

Он – просто пацан. Сельмой класс позади, впереди – лето, пахнущее асфальтом, речной водой и свободой. Никаких тревог, кроме предстоящих экзаменов. Никаких загадок, кроме тех, что задают на уроках геометрии. Его жизнь – это чистый лист, на котором ещё не начали писать самую важную историю.

Или её уже стёрли?

Потому что иногда, в самые неожиданные моменты, его накрывает волна беспричинного беспокойства. Он ловит себя на том, что в толпе ищет кого-то, кого никогда не знал. Что в привычном маршруте от дома до школы инстинктивно сворачивает в переулок, где ему совершенно нечего делать. Что тишина в его комнате кажется ему неестественной, будто в ней должно звучать чьё-то дыхание.

Вселенная – штука сложная. Иногда она даёт сбой. Иногда её перезагружают. А иногда – переписывают заново, ис-

правляя «ошибки». И самое страшное в такой правке – даже не боль потери, а полное, абсолютное незнание о том, что ты что-то потерял. Ты не скучаешь. Ты просто чувствуешь, как в твоём мире чего-то не хватает, но не можешь понять – чего.

Но ничто не исчезает бесследно. Даже стёртые чернила оставляют на бумаге едва заметный след. Даже забытая реальность отбрасывает призрачную тень.

И есть одно место, где все тени собираются. Место за пределами «до» и «после». Место, где пыль былых миров и несбывшихся судеб кружится в вечном, немом танце. Тюрьма Времени. Она помнит всё. Каждую улыбку, каждую слезу, каждую битву и каждую жертву.

И сейчас её молчание начинает трескаться. Песок в часах, застывший на мгновении между «было» и «будет», снова пришёл в движение.

Обычное лето для обычного парня... Или начало самой необычной битвы в его жизни – битвы за правду, которую у него отняли, и за память, которую ему только предстоит обрести?

Пришло время узнать, что идеальная тишина – это всего лишь затишье перед бурей. А самый простой парень – может оказаться ключом ко всему.

Занавес поднимается. История начинается. Снова.

Глава 1. Лагерь

Экран ноутбука был единственным источником света в комнате, окрашивая синеватым сиянием разбросанные по столу фломастеры и пустую пачку от сока. За окном медленно густели летние сумерки, последний алый отсвет заката цеплялся за верхушки многоэтажек. В воздухе стояла тягучая, сладковатая духота, которую не мог справиться даже сквозняк из приоткрытого окна.

Артём полулёжа откинулся в кресле, его взгляд блуждал по пиксельному изображению на мониторе. В рамке видеозвонка сидела Надя. Худая, почти тростиночная, в мешковатой футболке, потерявшей на её узких плечах. Её каштановые, коротко остриженные волосы были собраны в жалкий, трогательный хвостик, торчащий малявкой на затылке. Она что-то рассказывала, смущённо теребя угол подушки, на которой сидела, и её бледная кожа на скулах залилась нервным румянцем.

– ...и я вся покраснела, наверное, как помидор, – её голос, тихий и немного скрипучий, доносился из динамиков. – А он такой смотрит на меня, и я вижу, что он думает: «Вот же странная». Это был полный кринж, я до сих пор вспоминаю и хочу провалиться!

– Да брось ты, – сказал он, заставляя свой голос звучать ободряюще. – Всегда можно сказать, что просто растерялась.

Бывает.

– Легко тебе говорить! – она надула губы, сделав вид, что обижена, но в глазах плескалась всё та же неуверенность. – Я ведь и правда растерялась. Совсем.

Пока она с пафосом живописала свои «невыносимые страдания», Артём отвернулся и уставился в окно. Там, за стеклом, в густеющей синеве, уже зажглись первые огни. Одинокiй фонарь под его окном отбрасывал на асфальт жёлтое, расплывчатое пятно. И вдруг, совершенно неожиданно, его пронзило острое, почти физическое чувство... ожидания. Словно он забыл о чём-то очень важном. Словно кто-то должен был позвонить. Прийти. Постучаться в дверь.

Он моргнул, и ощущение тут же исчезло, оставив после себя лишь лёгкий, неприятный осадок дезориентации.

– Скоро лето... – прошептал он сам себе, переведя взгляд обратно на экран, и попытался поймать ускользающее чувство лёгкости, предвкушения каникул. Оно было каким-то плоским, картонным.

– Что? – переспросила Надя.

– Ничего, – Артём тряхнул головой, как бы отряхиваясь от наваждения, и натянул улыбку. – Говорю, скоро лето. Отдых. Ктстати ,я завтра, наконец-то, сваливаю, – Артём перевел разговор, его голос на мгновение обрёл искру настоящего оживления. Он потянулся к клавиатуре, отодвинув пачку сока. – В лагерь. Всё собрал уже.

В его тоне прозвучала неприкрытая радость – то самое

предвкушение свободы, смены обстановки, долгожданной поездки куда-то подальше от дома и привычных маршрутов.

На экране Надя насупилась, её брови поползли вниз, делая выражение лица ещё более несчастным.

– Повезло тебе, – протянула она, и в её скрипучем голосе зазвучала откровенная зависть. – А я... я даже не знаю, что буду делать всё лето. – Она безнадёжно махнула рукой, откидываясь на спинку кресла. – Сидеть дома, наверное. Ноут, сериалы... Может, иногда гулять... если кто позовёт.

Она произнесла это с такой обречённостью, словно говорила о пожизненном заключении, а не о трёх месяцах каникул. Типичная летняя апатия, охватывающая тех, у кого нет грандиозных планов.

Артём фыркнул, но беззлобно.

– Ну, «иногда гулять» – это сильно. Тебя же из дома палкой не выгонишь. На улице солнце, жара, а ты в своей берлоге сидишь.

– А что мне делать-то? – всплеснула она руками, и её хвостик смешно дёрнулся. – Все разъедутся. Скучно будет.

Он хотел сказать «со мной же поехать нельзя», но вовремя остановился. Это было бы странно и слишком панибратски. Вместо этого он просто пожал плечами, глядя на её грустную физиономию в мониторе.

– Ну, я ненадолго. Три недели. Потом вернусь, – сказал он, и в его словах снова прозвучала эта ноющая, необъяснимая пустота. Словно «вернусь» значило не «вернусь домой»,

к компу и своим делам», а «вернусь... к чему?». К этому разговору? К этим стенам? К этому чувству, что он что-то упускает?

Он снова посмотрел в окно, на тёмное теперь уже небо. Где-то там был лагерь, лес, друзья... обычное летнее приключение. Почему же оно казалось таким бессмысленным стартом, а не долгожданным финишем?

– Ладно, – вздохнула Надя, прерывая его мысли. – Тогда пиши оттуда, если будет связь. Про медведей и купание в озере в два часа ночи. Чтобы мне было ещё завистнее.

– Обязательно, – снова натянуто улыбнулся Артём.

Он отключил звонок. Артём потянулся и закрыл крышку ноутбука, окончательно погружая комнату в полумрак. Разговор окончен. Лето, лагерь, Надя... всё это вертелось в голове, но не находило отклика в душе. Словно он читал сценарий чужой жизни.

Его рука непроизвольно потянулась к верхнему ящику письменного стола, нащупала холодный металл маленького ключа. Он открыл ящик, и его пальцы коснулись того, что лежало там, завернутое в чёрный бархат. Он развернул ткань.

Кинжал.

Рукоять из тёмного, почти чёрного дерева, испещрённая замысловатой резьбой, напоминающей спирали ДНК. Узкое, около 15 сантиметров в длину, лезвие было цвета воронёной стали, но сквозь толщу металла проступали едва заметные багровые прожилки. Сейчас они были тёмными, но Артём

знал – если прикоснуться, они начнут слабо пульсировать, словно в металле текли тонкие кровеносные сосуды. Кинжал на ощупь был всегда тёплым, почти живым.

Он прикоснулся к лезвию, и по телу пробежала знакомая волна странного тепла. Именно этим кинжалом его пырнули в середине мая, в тёмном переулке по дороге из школы. Тень, толчок в спину, жгучая боль – и скрывшийся нападавший. Рана была неглубокой, зажила быстро, оставив лишь маленький шрам. Но вместе с ней пришло нечто другое.

Сначала это были кошмары. Взрывы, грохот, стальные конструкции. Потом – пробуждение. И впервые явление *Kaboom Symphony*.

Артём поднял взгляд от кинжала. Ему не нужно было даже мысленно звать. Пространство в углу комнаты содрогнулось, и там появился Он.

Высокий, выше самого Артёма, и неестественно прямой. Фигура из матового, кованого металла цвета оружейной стали. Вместо мышц – пневматические поршни и трубки, по которым пульсировала ярко-оранжевая энергия, словно раскалённая кровь. Его торс и конечности были усеяны детонаторами. На месте лица – идеально гладкая, отполированная сфера, отражающая комнату в искажённой, рыбьей перспективе.

– Ну что, – тихо произнёс Артём, глядя то на кинжал, то на своего молчаливого двойника. – Получается, ты – его подарок. Кто бы он ни был.

Он аккуратно завернул кинжал в бархат, затем достал из шкафа новую чёрную поясную сумку из плотного тактического нейлона, купленную неделю назад в интернет-магазине – интуитивно, будто что-то подсказывало, что она понадобится. Кинжал лёг внутрь идеально, будто сумку шили под него. Застёжка-фастекс щёлкнула с мягким, но уверенным звуком.

Артём медленно поднял руку. Он мысленно скомандовал: «Детонационная цепь».

Его стенд, не сдвигаясь с места, протянул сквозь пространство невидимую нить воли. Пустая пачка от сока на столе едва заметно дрогнула. Теперь он мог взорвать её в любой момент.

Он провёл ладонью по воздуху, и Kaboom Symphony повторил движение. По стене, по стулу, по книжной полке – невидимые метки ложились на предметы, превращая его комнату в смертоносный оркестр, ждущий движения дирижёрской палочки. Он был тактиком. Архитектором разрушения. И это знание было подарком, полученным от незнакомца с холодным, живым лезвием.

– Завтра мы едем, – сказал Артём, глядя в сферическое «лицо» стенда. – В лагерь. В лес. Где полно деревьев, камней... и людей. Может быть, там я найду ответы. Или... новые вопросы.

Он скомандовал «отбой», и Kaboom Symphony растворился в воздухе так же бесшумно, как и появился.

Артём лёг в кровать, глядя в потолок. Его рука легла на грудь, на место под футболкой, где скрывался маленький шрам. Подарок мая. Пропуск в другую жизнь.

– Симфония ещё не началась, – прошептал он в темноту. – Но дирижёр уже на месте. И его инструменты настроены.

На следующее утро солнечные лучи бились в лобовое стекло, заливая салон машины слепящим, золотистым светом. Запах раскалённого асфальта и свежескошенной травы смешивался с ароматом вишнёвого освежителя, висящего на зеркале заднего вида.

Артём ёрзал на пассажирском сиденье, его пальцы нервно теребили гладкую поверхность новой поясной сумки, пристёгнутой на боку. Он купил её неделю назад – чёрную, тактическую, из плотного нейлона – будто что-то подсказывало, что она понадобится. Сейчас в ней лежал кинжал, завернутый в бархат. Сумка сидела удобно, но её вес чувствовался не в мышцах, а где-то на краю сознания – тихим, тёплым присутствием.

Артём ёрзал на пассажирском сиденье, нервно постукивая пальцами по замшевому чехлу поясной сумки, стоявшей у него между ног. Он смотрел в окно на мелькающие дачи, огороды и рекламные щиты, но не видел их. В голове стучала одна и та же мысль: «Мы опаздываем. Мы опаздываем уже на сорок минут».

Его мама уверенно крутила баранку, напевая что-то под нос. Она, казалось, совершенно не разделяла его беспокой-

ства.

– Мам, ну можно побыстрее? – не выдержал он. – Я же обещал Мише, Алёне и Мите быть к десяти.

– Артём, дорогой, – спокойно ответила она, не отрывая взгляда от дороги. – Мы едем с разрешённой скоростью. Твои друзья подождут. Лагерь никуда не денется.

Он вздохнул и откинулся на подголовник. В голове всплыли образы тех, кого он заставил томиться в ожидании.

Митя, он представил, наверняка стоит, то и дело поглядывая на дорогу и поправляя свои очки. Он, конечно, заметил опоздание, и теперь в его голове крутятся разные версии: может, машина сломалась, может, Артём что-то забыл и пришлось возвращаться. Он не строит сложных графиков, но его аналитический ум уже ищет логичное объяснение.

Алёна, без сомнения, не может стоять на месте. Она наверняка прыгает вокруг Миши, то и дело взвизгивая: «Ну где же он?», рвёт одуванчики и плетёт из них венки, а потом снова бросает, потому что ей надоело. Её энергия уже сейчас, заочно, била через край.

А Миша... Миша, скорее всего, терпеливо сидит на своём рюкзаке, как скала, и жуёт припасённый с собой батончик. Он уже успокоил Алёну раз десять и сказал Мите, что не стоит придумывать лишнего.

– Всё, – буркнул Артём, глядя на навигатор. – Поворот на «Горизонт» через километр.

Сердце его ёкнуло. Не от страха, а от того самого странно-

го предчувствия, которое преследовало его всё утро. Обычная поездка в лагерь, а ощущение, будто он едет на передовую. В сумке, на самом дне, аккуратно завернутый в чёрный бархат, лежал кинжал. А с ним – его безмолвный компаньон, невидимый для всех, кроме него самого.

Машина свернула с асфальта на грунтовую дорогу, петляющую между соснами. Воздух стал другим – густым, смолистым, напоённым хвоей и влагой от близкого озера.

Наконец, за поворотом показались ворота с потрескавшейся табличкой «Лагерь Горизонт», а перед ними – три знакомые фигуры.

Картина была именно такой, какую он и представлял.

Митя, в своей практичной свободной футболке и шортах, с нетерпением переминался с ноги на ногу, его массивные очки блестели на солнце. Алёна в ярком сарафане в цветочек и с двумя хвостиками прыгала вокруг Миши, размахивая руками. А сам Миша, могучий и невозмутимый, в просторной футболке и бермудах, действительно сидел на своём огромном рюкзаке, словно на троне.

Машина остановилась, подняв облачко пыли. Артём выскочил из салона, прежде чем двигатель заглох.

– Всё, я живой, простите, что задержались! – выпалил он.

– Артём! Ты допоздна залипал в компе, вот и проспал! – сразу же обвинила его Алёна, подбегая так близко, что чуть не сбила его с ног. Её голубые глаза сверкали озорством.

– Мы уж думали, ты передумал, – сказал Митя, подходя.

Он не строил расчётов, но видно было, что он действительно начал волноваться. – У тебя всё в порядке? Машина не ломалась?

– Да нормально всё, – басом прокомментировал Миша, поднимаясь с рюкзака. Он похлопал Артёма по плечу своей здоровенной ладонью. – Главное, что доехал.

Дверь со стороны водителя открылась, и вышла мама Артёма.

– Здравствуйте, ребята! – улыбнулась она, обводя их тёплым взглядом. – Простите, что мой копуша вас задержал. Вы уж его там в обиду не давайте.

– Да мы его уже простили! – жизнерадостно выдохнула Алёна.

– Конечно, – кивнул Митя, на его лице появилось лёгкое облегчение.

Миша молча и добродушно ухмыльнулся.

Мама открыла багажник, помогая Артёму вытащить его вещи.

– Ну всё, сынок, хорошего тебе отдыха, – она обняла его за плечи, понизив голос. – Звони, если что. И... будь осторожен, ладно?

В её глазах мелькнула тень беспокойства, того самого, необъяснимого, что иногда посещало и его. Артём кивнул.

– Конечно, мам. Не переживай.

Он махнул рукой отъезжающей машине, а затем повернулся к друзьям. Лагерь «Горизонт» раскинулся перед ним:

старые корпуса, похожие на бараки, тенистые аллеи, ведущие вглубь леса, и едва уловимым шумом доносившийся с озера.

Они уже сделали несколько шагов по аллее, ведущей от ворот, как сзади раздался звонкий, немного запыхавшийся голос:

– Миша! Алёна! Пойдите!

Друзья остановились и обернулись. К ним, быстро семени ногами в широких джинсовых шортах, бежала девушка. Её тёмно-русые волосы развевались на ходу. Догнав их, она слегка наклонилась, оперлась руками о колени, чтобы перевести дух.

– Фух... еле догнала.

Миша широко улыбнулся, и на его щеках проступили ямочки.

– Лена? Серьёзно? Ты что здесь делаешь?

– Я... в этом же лагере, – выпрямилась она. Её глаза, сейчас казавшиеся серо-голубыми, как небо над головой, с любопытством скользнули по Артёму и Мите.

– Лена! – обрадовалась Алёна, подпрыгнув на месте. – Давно тебя не видела!

– Привет, Алёна, подросла, – улыбнулась Лена. Её улыбка была открытой, но в глазах Артёму почудилась лёгкая усталость. – Да, мы с Мишей в одном классе учились, до пятого.

– Это круто! – Миша, казалось, был искренне рад. – Значит, ты с нами?

– Надеюсь, – ответила Лена. – Меня направили в ваш корпус.

– Ура! – обрадовалась Алёна. Затем, вспомнив о правилах приличия, она торжественно указала на спутников. – Лена, это наши друзья. Это Артём, – она кивнула на него, – а это Митя.

Артём коротко кивнул. «Добрая, взрывная, замкнутая», – почему-то сразу подумал он, глядя на её неяркую оверсайз-футболку.

Митя вежливо поправил очки.

– Привет.

– Привет, – ответила Лена, её взгляд на секунду задержался на многочисленных карманах на шортах Мити.

– Ну что, раз все собрались, пошли уже? – предложил Миша, снова взгромождая свой рюкзак на плечо. – А то нас без регистрации и расселения оставят.

– Ага, пошли, – поддержала Лена.

Алёна тут же взяла её под руку и начала забрасывать вопросы: «А ты давно здесь?», «А ты видела, какое тут озеро?», «А тебе тоже сказали про привидение?». Лена отвечала спокойно, но без раздражения, и иногда её тихий смех сливался с весёлым щебетанием Алёны.

Артём шёл чуть позади, наблюдая. Она казалась обычной девчонкой, но в её присутствии было что-то... стабилизирующее. Может, это её спокойствие.

Он поймал себя на том, что смотрит, как цвет её глаз из-

менился, став более серо-зелёным, когда они прошли под сенью крон старых клёнов.

«Просто ещё один человек в лагере», – строго сказал он сам себе. Но чувство, что пазл в его жизни с приездом Лены не упростился, а стал ещё загадочнее, не отпускало. Симфония молчала, но состав оркестра, похоже, начинал меняться.

Наши друзья вошли в корпус, где находился их отряд. Пространство было заполнено гомоном – ребята из разных компаний ходили, акомились.

Наши друзья прошли к их комнате. Артём машинально скользнул взглядом по комнате, и вдруг его сердце пропустило удар, а потом заколотилось с бешеной силой. В дальнем углу, на кровати у большого окна, залитая солнечным светом, сидела девушка. Она сгорбилась, уткнувшись в телефон, и её худая, почти тростиночная фигура в мешковатой футболке казалась знакомой до боли.

«Не может быть...» – промелькнуло в голове у Артёма.

Это была Надя. Та самая Надя, с которой он вчера разговаривал по видеосвязи. Которая с таким отчаянием говорила, что будет скучать дома в городе. Она сидела, отгороженная от всего мира наушниками и экраном, словно пыталась ухватить последние крупички виртуального пространства, пока его не отобрали до вечера.

В этот момент в комнату вошла вожатая – энергичная девушка с веснушками и громким голосом.

– Так, друзья, с телефонами прощаемся! Собираем в кор-

зину, до ужина они у меня в сейфе отдыхают!

Общий стон пронёсся по комнате. Надя медленно, будто сквозь воду, подняла голову, отрываясь от экрана. Её взгляд, полный тихого протеста, скользнул по вожатой, а затем... наткнулся на Артёма.

Глаза Нади расширились. На её бледных щеках выступили пятна румянца – не смущения, а чистого, неподдельного шока. Она замерла, сжимая в руке телефон, не в силах поверить.

Артём стоял как вкопанный, чувствуя, как у него подкашиваются ноги. Он мысленно перематывал вчерашний разговор. Она ведь ничего не сказала. Ни единого намека.

Надя первой пришла в себя. Она поднялась с кровати и, как сомнамбула, двинулась к нему через комнату, протискиваясь между рюкзаками и расстроенными владельцами телефонов.

– Артём? – её голос прозвучал тихо и хрипло, ровно так же, как в динамиках его ноутбука. – Что... что ты здесь делаешь?

Он только сейчас заметил, как сильно она загорела за эти... сколько? Часы? Это казалось нереальным.

– Я могу спросить то же самое, – выдавил он, и его собственный голос показался ему чужим. – Ты же сказала, что будешь всё лето сидеть дома. В городе.

Надя потупилась, её пальцы нервно теребили край футболки.

– Я... я и сама не знала, что поеду, – прошептала она, поднимая на него виноватый взгляд. – Мама... мама вчера вечером просто вручила мне путёвку и уже собранный рюкзак. Сказала, что мне нужно «свежего воздуха и общения». Я не успела даже тебе написать...

Они стояли друг напротив друга, в самом центре кипящей жизнью комнаты, но вокруг них будто образовался пузырь абсолютной тишины. Вчерашний разговор, её жалобы, его обещания писать... всё это перекраивалось заново, приобретая новый, совершенно неожиданный смысл.

Артём видел в её глазах ту же самую растерянность, что и у него. Случайность? Или чья-то воля свела их здесь, в этом лагере, вдали от дома и привычной жизни? Его рука непроизвольно потянулась к груди, где под футболкой скрывался маленький шрам. Ощущение, что его жизнь – это чей-то тщательно продуманный сценарий, стало почти осязаемым.

Симфония всё ещё молчала, но дирижёр, казалось, уже вышел на сцену и начал расставлять музыкантов.

Этот миг неловкого молчания между ним и Надей был внезапно разрушен резким толчком в спину. Артём едва удержал равновесие, невольно сделав шаг вперёд.

– Ой! Прости! – раздался сзади испуганный голос.

Артём обернулся, опустив взгляд, и увидел девчонку, которая, видимо, не глядя, пятилась назад, разыскивая свою кровать. Длинный тёмно-каштановый хвост, серая толстовка с капюшоном, несмотря на жару, и такие же серые джинсы –

всё это было до боли знакомо, хоть он и не мог вспомнить, когда видел её в последний раз.

– Алина? – удивлённо произнёс Артём. – Ты тоже тут?

Алина резко развернулась. Её широко распахнутые глаза, полные смущения от столкновения, встретились с его взглядом, и по её загорелому лицу разлился яркий румянец. Однако уже через секунду её обычная весёлая улыбка осветила лицо.

– Артём! Ой, извини, я не заметила! – она рассмеялась, немного нервно, отмахиваясь рукой. – Да, вот, подвернулась путёвка. Представляешь?

Внутри у неё всё ёкало. Видеть его здесь, так неожиданно, было и потрясением, и подарком судьбы. Они познакомились так давно, что никто уже не помнил обстоятельств – то ли в детском саду, то ли во дворе. Но её годами отточенное умение скрывать свои чувства сработало безупречно. Внешне – просто радостная встреча старого знакомого.

Артём, всё ещё не оправившийся от встречи с Надей, лишь покачал головой. «Невероятно. Кажется, собрались все, с кем я когда-либо был знаком».

– Ребята, – он повернулся к своей компании, которая с интересом наблюдала за разворачивающейся драмой. – Это Алина, мы... кажется, давно знакомы. Алина, это Надя, моя одноклассница.

Надя робко кивнула, всё ещё выглядя немного потерянной. Алина одарила её своей заразительной улыбкой.

– Привет, Надя! Очень приятно!

– А это Миша, Алёна и Митя, – Артём обвёл рукой троицу. – Мы с дачи. А это Лена, мы только что познакомились.

– Привет! – хором откликнулись они.

Алёна, моментально заинтересовавшаяся новой девочкой в практичной серой одежде, тут же подскочила к Алине.

– Ты тоже в нашем корпусе? Отлично! Мы с тобой точно подружимся!

– Надеюсь, – ответила Алина, её взгляд на мгновение невольно скользнул обратно к Артёму, прежде чем она перевела его на Алёну, чувствуя в ней родственную энергичную душу.

Артём стоял в центре этого внезапно разросшегося круга. Лена, спокойная и наблюдательная; Миша, добродушный великан; Митя, педантичный аналитик; Алёна, вихрь эмоций; Надя, запутавшаяся и тихая; и Алина... весёлая, добрая Алина, о чьих тайных чувствах он не подозревал.

Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это была уже не просто случайная группа подростков в летнем лагере. Дачные друзья, одноклассница, случайные знакомые – все собрались здесь. Его пальцы снова сами потянулись к шраму на груди.

«Случайность? – снова подумал он. – Или нас всех свела сюда чья-то рука?»

Симфония всё ещё не начиналась, но дирижёр, казалось, уже закончил расстановку музыкантов. И оркестр был готов

к исполнению.

Последующие дни в лагере «Горизонт» слились в череду солнечных, напоенных запахом хвои и озера, событий. Лагерная жизнь, с её обязательными утренними линейками, зарядкой под залихватские крики физрука и шумными отрядными мероприятиями, захватила всех в свой водоворот.

Для Артёма это время стало странной смесью привычного и совершенно нового. С одной стороны – обычные летние радости. Они с Мишей и Митей гоняли в футбол на пыльной площадке, загорали на деревянном пирсе и тайком ныряли в озеро после отбоя, замирая в ледяной воде под хохот и приглушённые возгласы Алёны, которая дежурила на берегу «на шухере».

С другой стороны, его не отпускало ощущение театральности происходящего. Каждое утро, просыпаясь на скрипучей железной кровати, он первым делом проверял, на месте ли свёрток с кинжалом, завернутый в самую глубь рюкзака. Иногда, оставшись наедине в пустом корпусе, он на несколько секунд вызывал Kaboom Symphony. Металлический великан безмолвно возникал в солнечном луче, пылинки кружились вокруг его неподвижной формы, и Артём чувствовал, как по комнате растекается незримая сила. Он мысленно «помечал» половик у двери, ножку стула, стакан на столе – превращая обыденные предметы в потенциальные орудия. Это было похоже на ежедневную тренировку, подготовку к спектаклю, дата которого неизвестна.

Отношения в компании тоже складывались по-своему. Алёна и Алина стали неразлучны, как два вихря. Их смех был слышен по всему лагерю: то они строили гигантские песчаные замки на пляже, то организовывали шумные игры в вышибалы. Алина, в своих серых толстовках, казалась спокойным противовесом яркой и порывистой Алёне, но внутри она парила. Каждая случайная встреча с Артёмом, каждый мимолётный разговор – всё это откладывалось в её сердце, согревая её изнутри. Для остальных же она была просто весёлой и надёжной подругой.

Надя постепенно оттаивала. Отчасти этому помогла Лена. Они оказались соседками по комнате, и спокойная, немного отстранённая Лена с её тихими наблюдениями и неспешными разговорами стала для Нади тем островком стабильности, который помогал справляться с лагерной суетой. Артём иногда ловил их вдвоём на крыльце корпуса после ужина: Лена что-то тихо рассказывала, а Надя, поджав ноги, слушала, и на её лице наконец-то появлялось не нервное, а спокойное выражение.

Миша был душой их маленькой компании, её неизменным центром притяжения. Его добродушие и внутренняя сила сглаживали любые конфликты. Митя, в свою очередь, нашёл в лагере неисчерпаемый источник для исследований. Он изучал флору местного леса, зарисовывал в блокнот строение муравейников и вступал в долгие дискуссии с вожатыми о геологии окрестных холмов.

Всё это было идеально, слишком идеально. Обычное летнее приключение. Но Артём не мог отделаться от чувства, что они все – фигуры на шахматной доске. Первый ход был сделан, когда незнакомец в тёмном переулке вонзил ему в грудь тот самый кинжал. Второй – когда они все необъяснимым образом собрались здесь.

Он ждал третьего.

И он случился на пятый день, во время общелагерной игры «Зарница».

Стоял жаркий, душный полдень. Команды разбежались по лесу в поисках «флагов противника». Артём со своей группой – Мишей, Митей и ещё парой ребят из их отряда – пробирался по старой заросшей тропе, ведущей к ручью.

Именно тогда, в глубине леса, вдали от посторонних глаз, Артём впервые почувствовал это. Не просто смутную тревогу, а конкретный, осязаемый сигнал. Лёгкую вибрацию в воздухе, едва уловимый гул, исходящий от стволов деревьев, от камней, от самой земли. Его стэнд, невидимый для других, вдруг напрягся, и Артём почувствовал, как прожилки на лезвии кинжала в его рюкзаке на мгновение вспыхнули тёплой пульсацией.

Что-то было здесь, в этом лесу. Что-то чужеродное. Что-то, что ждало своего часа.

Симфония, наконец, подавала свой первый, едва слышимый аккорд.

Глава 2. Террорист

Идиллию лесной игры разорвали звуки, от которых кровь стыла в жилах. Не хлопки или щелчки – а короткие, сухие, безжалостные хлопки. Выстрелы. Настоящие.

Сначала воцарилась тишина, гнетущая и неестественная. Даже птицы замолчали. А потом лес взорвался криками. Не веселыми возгласами погони, а пронзительными, животными криками ужаса. Паника, как пожар, мгновенно охватила всех.

– Что это было?! – взвизгнула Алёна, инстинктивно прижимаясь к Мише.

– Тише! – резко прошептал Артём, его собственное сердце колотилось где-то в горле. Он схватил за руки Надю и Алину, которые стояли, окаменев от страха. – Все ко мне! Держитесь вместе!

Митя побледнел, его пальцы судорожно сжали компас. Лена застыла, её глаза-хамелеоны стали тёмными, почти чёрными от шока. Они сбились в тесную кучку, спиной к спине, как стадо, пытающееся защититься от невидимого хищника. Со всех сторон доносились топот, плач, крики вожатых, пытающихся восстановить порядок.

И тут из чащи, прямо напротив них, с треском ломая ветки, вывалилась фигура.

Это был мужчина. Высокий, поджарый, в грязной зелёной

маскировочной одежде. Его лицо, от носа и ниже, скрывала такая же зелёная маскировочная повязка, сливавшаяся с камуфляжем и делающая его безликим солдатом-призраком. Но самое жуткое были его глаза. Зрачки горели неестественным, ядовито-красным цветом, словно у демона. На левом глазе зиял старый, белесый шрам, тянувшийся от брови до скулы. Каштановые волосы были спутаны и торчали в стороны, придавая ему вид безумного дикаря. В его руке, уверенно и привычно, лежал пистолет.

Террорист.

Он не спеша обвёл их взглядом, его красные зрачки скользнули по каждому испуганному лицу. Палец лежал на спусковом крючке.

Время для Артёма замедлилось. Мысли проносились со скоростью света. Пистолет. Один на всех. Дети вокруг. Мои друзья.

И тогда внутри него что-то щёлкнуло. Тот самый холодок, что он чувствовал раньше, сменился леденящей ясностью. Это был не сбой. Это было начало.

Он мысленно, не шелохнувшись, скомандовал: «Kaboom Symphony. Детонационная цепь. Цель – пистолет».

Пространство за спиной террориста содрогнулось. Никто, кроме Артёма, не увидел, как массивная металлическая рука протянулась сквозь реальность и тончайшая нить воли коснулась оружия в руке мужчины.

Террорист внезапно вздрогнул и странно дёрнул кистью,

словно его ударило током. Пистолет на мгновение выскользнул из его пальцев, прежде чем он судорожно вцепился в него снова. Он с недоумением, смешанным с яростью, посмотрел на своё оружие, а затем поднял взгляд на группу подростков. Его красные глаза остановились на Артёме.

Он что-то почувствовал.

– Вяжите его! – закричал кто-то из старших ребят сбоку.

Мужчина рывком развернулся, отступая в сторону леса, но его демонический взгляд на секунду ещё задержался на Артёме. Взгляд, полный ненависти и... интереса.

Через мгновение он скрылся в чаще, оставив после себя лишь запах пороха и всепоглощающий ужас.

Отряд вожатых и несколько взрослых, вооружившись палками, бросились в погоню. Вокруг поднялся невообразимый шум. Но для Артёма и его друзей мир сузился до их маленького круга.

Алина рыдала, уткнувшись лицом в плечо Мише. Алёна дрожала, как осиновый лист. Надя смотрела в пустоту, её лицо было белым как мел. Лена обняла её за плечи, сама едва держась на ногах. Митя что-то бессвязно бормотал, глядя на лес.

Артём стоял, чувствуя, как по его спине струится холодный пот. Он не сводил глаз с того места, где исчез человек. Он сделал это. Он применил свою силу. И этот... этот монстр с красными глазами почувствовал это.

Игра в летний лагерь была окончена. Война, о которой

никто из них не подозревал, только что явила своё первое, уродливое лицо. И Артём понял, что он – не просто зритель в этом театре боевых действий.

Он был одной из главных мишеней.

Казалось, кошмар отступил вместе с фигурой в камуфляже. Но тишина длилась всего несколько секунд.

С оглушительным треском веток тот самый мужчина вырвался из чащи с другой стороны. Его красные глаза пылали яростью, а пистолет был теперь направлен прямо на их группу. Он не просто скрывался – он целенаправленно шёл за ними.

– Назад! Бежим! – закричал Миша, толкая девочек в сторону корпусов.

Но было поздно. Террорист уже делал выпад в их сторону. В этот миг поясная сумка на боку Артёма резко надулась, будто внутри её распирало давление. Фастекс взрывается с громким, неестественным ЩЁЛЧКОМ, похожим на выстрел. Чёрный свёрток выскакивает наружу, не падая, а зависая в воздухе на уровне груди, и бархат сам разворачивается, как лепестки странного металлического цветка.

Он не упал. Он завис на мгновение, словно живой, а затем рванулся вперёд с неестественной скоростью. Но не в сторону террориста.

Лезвие, холодное и острое, с легким шипящим звуком вонзилось в спину Алины.

– А-а-а! – её крик был не столько от боли, сколько от ужаса

и непонимания.

Она замерла, широко раскрыв глаза, глядя на Артёма с неммым вопросом. Ни крови, ни раны не было – только странное свечение на секунду окутало её контуры. Затем кинжал выскользнул, оставив лишь лёгкую вмятину на толстовке, и, описав дугу, вонзился в плечо Лены.

Лена ахнула, отшатнувшись. Её серо-зелёные глаза потемнели от шока, она схватилась за место «удара», но и на ней не было ни царапины. Только странное, пульсирующее тепло разлилось по телу.

Кинжал, выполнив свою странную миссию, с глухим стуком упал на землю.

Весь этот кошмар занял не больше трёх секунд.

– Что ты сделал?! – закричала Надя, с ужасом глядя на Артёма.

– Я... я не... – он не мог вымолвить и слова. Его руки дрожали. Он с ужасом смотрел то на Алину, то на Лену, то на лежащий кинжал. Это было не его командой. Это было не его волей. Кинжал действовал сам.

– Бежим! Очнитесь! – рёв Миши вернул всех к реальности.

ХЛОПОК.

Пуля прожужжала в сантиметрах от головы Артёма, вонзившись в ствол сосны. Террорист, преодолев шок от странного летающего кинжала, возобновил атаку.

Это всех встряхнуло. Артём, не думая, схватил кинжал с

земли и засунул обратно в болтающуюся на поясе сумку, нащупав на ощупь холодный бархат. Миша, одной рукой подхватив всё ещё ошеломлённую Алину, а другой толкая вперёд Лену, помчался к ближайшему корпусу. За ними, спотыкаясь и задыхаясь от ужаса, бросились Надя, Алёна и Митя.

Они обогнули угол, выбиваясь из сил. Артём, не думая, схватил кинжал с земли и засунул обратно в болтающуюся на поясе сумку. Под пальцами он почувствовал, как застёжка-фастекс сама защёлкнулась с тихим щелчком, будто кто-то невидимый помог ему. Кинжал внутри отозвался тёплой пульсацией.

Ещё две пули просвистели мимо, одна угодила в стену корпуса, обдав их тучей известковой пыли. Они обогнули угол, выбиваясь из сил, и на секунду скрылись из линии огня.

Прижавшись спинами к прохладным доскам стены, они пытались перевести дух. Все были в шоке. Алёна и Надя рыдали. Митя тяжело дышал, его лицо было землистым. Миша не отпускал Алину, которая вся дрожала, но не от страха перед выстрелами, а от того, что с ней только что произошло. Лена стояла, закрыв глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Артём смотрел на них, и его охватывало леденящее душу понимание. Кинжал не просто дал ему силу. Он только что выбрал следующих. Но зачем? Что он пробудил в Алине и Лене?

И самое главное – что будет теперь, когда трое из них были

отмечены этим проклятым лезвием?

Алина стояла, всё ещё ощущая на спине призрачное жжение от прикосновения кинжала. Внутри всё переворачивалось, мир плыл перед глазами. Она чувствовала странную пульсацию, будто под кожей у неё проросли корни.

– Что... что со мной? – прошептала она, глядя на свои дрожащие руки.

И тогда за её спиной воздух сгустился, затрепетал. Пахнуло влажной землёй, прелыми листьями и свежей хвоей. Из ничего возникла фигура. Высокий гуманоид, словно вырезанный из призрачного, светящегося дерева. Его тело покрывал живой ковёр из мхов, лишайников и крошечных белых цветов. Глаза, подобные двум кускам тёплого янтаря, смотрели на мир с безмятежным, древним спокойствием.

Алина медленно обернулась. Увидев это существо, она не закричала. Внутри неё что-то щёлкнуло, и имя пришло само собой.

– Primordial Bloom... – выдохнула она, и странное умиротворение смешалось с ужасом.

Для остальных – Миши, Алёны, Нади и Мити – за спиной Алины не было ничего, кроме воздуха. Они видели лишь, как она обернулась и прошептала странное название, глядя в пустоту.

Но на этом странности не закончились.

Лена, всё ещё держась за плечо, вдруг резко выдохнула. Её тело пронзила судорога, и она с глухим стоном рухнула

на колени. По её телу пробежали радужные блики. Воздух вокруг неё зарядился статическим электричеством.

За её спиной пространство исказилось. И из этого искажения возникла другая фигура – стройная, гуманоидная, сотканная из переплетённых оптико-волоконных нитей и струящихся жидких кристаллов. Существо было полупрозрачным и мерцало, переливаясь всеми цветами радуги.

Лена подняла голову, её глаза, теперь почти полностью серебристые, были полны слёз. Она смотрела не на друзей, а на пустое пространство позади себя с леденящим ужасом.

– Synthetic Symbiosis... – прошептала она.

И тогда её сдержанность рухнула. Слёзы хлынули ручьём.

– Я не хочу этого... – всхлипывала она. – Я... я просто хотела нормально отдохнуть... Я обычная...

Надя, забыв о собственной дрожи, первая пришла в себя. Она подошла и опустилась рядом с Леной, осторожно обняв её за плечи.

– Ты не монстр, – твёрдо сказала Надя. – Слышишь? Это... это просто проверка. Такая странная и страшная проверка от судьбы. Но ты справишься.

Она посмотрела на Алину, смотрящую в пустоту, на Артёма, сжимающего в руке тот самый кинжал, а затем снова на Лену.

– Мы все с тобой. Друзья. Мы... мы теперь одна команда.

Артём молча наблюдал за этой сценой, его пальцы сжимали тёплую рукоять кинжала. Он видел обоих стендов во всём

их великолепии и мощи. Его собственная Kaboom Symphony беззвучно возникла рядом, его металлическая форма контрастировала с органическим Primordial Bloom и цифровым Synthetic Symbiosis.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.